

УДК 811'11

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-37-62

СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ СУДЕБНОГО ПЕРЕВОДА

С. В. Стародубов

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В статье рассматриваются основные особенности и характеристики коммуникативной ситуации судебного перевода. Проблемы судебного перевода представляют собой актуальный, но вместе с тем малоизученный вопрос, который находится на стыке перевода и юриспруденции. Автором постулируется положение о том, что судебный перевод — это один из вариантов перевода в социальной сфере, или, как его кратко принято называть, социального перевода. С одной стороны, судебный перевод обладает рядом черт, присущих переводу в социальной сфере, а с другой — судебный перевод, будучи одним из вариантов перевода в социальной сфере, обладает целым перечнем отличительных свойств. Данное обстоятельство позволяет заявлять о том, что судебный перевод является не просто отдельным, но особым вариантом перевода в социальной сфере. Особый характер судебного перевода предполагает следующее: наличие особого дискурса судебного перевода, биполярный характер коммуникации, осуществляемой по оси «конфронтация — сотрудничество», расширительный перевод в отношении иноязычного коммуниканта и более сухой (сжатый) в отношении судьи, необходимость формирования единой предметной действительности в сознании коммуникантов, наличие особого статуса судебного переводчика, определяемого его ролями, а также моделями коммуникации в рамках судебного процесса. В настоящей статье впервые делается попытка выделения главных свойств коммуникативной ситуации судебного перевода с позиций коммуникативно-функционального подхода. Кроме того, предложена схема, которая может использоваться для описания процессов, происходящих в ходе коммуникации с использованием судебного перевода.

Ключевые слова: перевод в социальной сфере; конференц-перевод; судебный перевод; коммуникативная ситуация; коммуникативно-функциональный подход.

Цитирование: Стародубов С. В. Специфика коммуникативной ситуации судебного перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 2 (58). С. 37–62. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-37-62.

The Specifics of the Communicative Situation of Court Interpreting

Stanislav V. Starodubov

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article discusses key features and characteristics of court interpretation as a communicative situation. The problems and challenges of court interpretation have not yet received sufficient attention from scholars despite being a highly relevant issue, located at the intersection of translation studies and jurisprudence. The author postulates that legal translation/interpretation is one of the subtypes of community interpreting and goes on to argue that, even though court interpreting has certain features inherent to community interpreting, it yet possesses a number of distinctive properties and thus can be considered not only a distinct and separate but also a different type of community interpreting. This special nature of court interpreting implies the following: 1) the presence of special discourse of court interpreting, 2) the bipolar nature of communication carried out along the “confrontation-cooperation” axis, and 3) using expansion techniques when addressing the foreign communicant and, conversely, compression techniques when addressing the judge, 4) the need to form a single objective reality in the minds of communicants, 5) a special status of the court interpreter determined by the communicative interpreter’s roles, and 6) established communication models within the judicial process. In this article, for the first time an attempt is made to highlight the key properties of the communicative situation of court interpreting from the standpoint of the communicative-functional approach. The author also proposes a diagram which can be used to describe the processes that occur in communicative situations involving court interpretation.

Key words: community interpreting; conference interpreting; court interpreting; communicative situation; communicative-functional approach.

Citation: Starodubov, Stanislav V. (2022) The Specifics of the Communicative Situation of Court Interpreting. *LUNN Bulletin*, 2 (58), 37–62. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-37-62.

1. Введение

Актуальность изучения специфики коммуникативной ситуации судебного перевода определяется насущной потребностью в разграничении собственно судебного перевода и конференц-перевода и перевода в социальной сфере. Это позволит более четко представить основные роли и характеристики коммуникантов, обозначить статус каждого из коммуникантов в рамках конкретного переводческого события. В настоящий момент исследователи не определились со спецификой переводческого события в рамках судебного заседания в частности и в формате судебного процесса в целом. Мы считаем, что судебный перевод максимально близок к так называемому переводу в социальной сфере. Между тем судебный перевод и перевод в социальной сфере некоторым образом отличаются друг от друга, отождествлять данные виды переводческой деятельности не имеет смысла. И до сих пор не определены геркулесовы столпы, конкретные гра-

ницы и предельные очертания судебного перевода. Это представляет собой фундаментальную проблему, которая, однако, открывает широкое поле возможностей для дискуссии на этот счет, для попыток установления тех самых признаков судебного перевода, краеугольных камней этого, без сомнения, многоаспектного и слабоизученного в отечественной литературе вида деятельности.

2. Социальный перевод vs конференц-перевод

Прежде чем начать обсуждение основных отличий социального перевода от конференц-перевода, необходимо обозначить суть каждого из вышеназванных видов перевода.

В рамках конференц-перевода переводчик играет роль лингвистического посредника (в одиночку или, что нередко бывает, как один из членов команды переводчиков) на конференции формального либо неформального характера. Конференц-переводчик осуществляет последовательный устный перевод речей и высказываний выступающих вне зависимости от их временной продолжительности и сложности (АПС 1984: 21). Важно подчеркнуть, что в ситуации конференц-перевода — на научных семинарах, круглых столах, переговорах — коммуниканты равноправны по статусу и компетенции (Сухарева, Черникова 2014: 115).

Социальный перевод (англ. термин — *community interpreting*; иногда также употребляется термин *public service interpreting*) определяется как вид перевода, осуществляемый в учреждениях образования, медицины, в миграционных подразделениях, отделениях полиции и т. д. (Phelan 2001: 20). Судебный перевод также можно считать одним из подвидов перевода в социальной сфере.

Практикующие переводчики и теоретики перевода высказывают различные взгляды относительно того, как именно следует интерпретировать понятие и сущность социального перевода. Например, в интервью Э. Пиму, бывшему на тот момент президентом Европейского общества переводоведения (EST), С. Ваденшьё называет социальный перевод *dialogue interpreting*, чтобы подчеркнуть одно из главных, по ее мнению, отличий этого вида перевода от конференц-перевода: социальный переводчик вступает в непосредственный контакт с коммуникантами в форме диалога, тогда как конференц-перевод может осуществляться переводчиком в кабине синхрониста (Wadensjö 2011). Иными словами, диалог — это важная отличительная особенность перевода в социальной сфере. Ш. Бахадыр, сравнивая понятия «социальный перевод» и «конференц-перевод», называет перевод в социальной сфере «младшим братом» последнего (Bahadır 2010). Автор подчеркивает, что действия переводчика требуют соблюдения норм

переводческой этики. По мнению Ш. Бахадыр, это требование непосредственным образом относится к социальному переводу, поскольку он осуществляется в культурно-специфических условиях, что предполагает особое отношение к ситуации и участникам общения.

Есть и другие особенности перевода в социальной сфере, которые позволяют говорить о том, что он существенно отличается от конференц-перевода. В. В. Сдобников выделяет главные черты социального перевода, которые не характерны для других видов перевода:

– *перевод в сугубо официальной обстановке*

«Официальность» обстановки предполагает повышенную степень ответственности переводчика за выполняемую им работу, а «серьезность» ведет к высокой эмоциональной и психологической нагрузке на переводчика. Ситуация социального перевода (ССП) требует от коммуникантов следования конкретным правилам (прописанным или негласным), соблюдения ролей и статусов, определенных принципов. Указанные факторы создают подходящий фон для институционализации конкретных регламентов участия каждого из коммуникантов в СПП. Это касается и переводчика, хотя конкретные роль и статус последнего по-прежнему вызывают дискуссии среди юристов и, безусловно, среди самих практикующих переводчиков (Сдобников 2015: 242–259).

В качестве примера можно привести ситуацию судебного перевода. В странах Западной Европы, в Соединенных Штатах существуют кодексы профессиональной деятельности судебных переводчиков (см., напр., Code of Ethics and Professional Responsibilities by National Association of Judiciary Interpreters and Translators 2016; Indiana Rules of Court Interpreter Code of Conduct 2020). Зачастую западные кодексы содержат похожие требования к переводчикам. В пособии «Профессиональные и этические требования к осуществлению перевода в судах Калифорнии» среди прочего можно найти требование о соблюдении точности и полноты перевода (Professional Standards and Ethics for California Court Interpreters 2013). Подразумевается предельно точная передача на переводящем языке того, что было сказано на исходном языке. Не позволяют дополнения, комментарии, опущения, компрессии, а также иные виды переводческих трансформаций. К. Анджелелли подчеркивает существенный разрыв между требованиями к переводчикам, прописанными в кодексах, и проблемами, с которыми сталкиваются судебные переводчики в условиях реальной коммуникации (Angelelli 2004: 2). Л. Айгингер и Б. Карлин придерживаются аналогичной точки зрения, справедливо замечая, что существующие определения того, кто такой судебный переводчик, а также «прописанные принципы» осуществления судебного перевода часто вступают в противоречие с тем, что

происходит на практике (Eighinger, Karlin 2001: 5).

По мнению исследователей, очевидная причина такого положения дел заключается в авторстве упомянутых принципов и правил осуществления перевода, поскольку эти правила создаются непрофессионалами, т. е. людьми, которые не занимаются переводом и, следовательно, обнаруживают собственную неспособность полностью осознать, что представляет собой перевод, как устроен процесс коммуникации с использованием перевода и какие трудности могут возникать в ходе осуществления переводческой деятельности. Люди, обладающие весьма поверхностными представлениями о деятельности переводчика, склонны видеть лишь сугубо лингвистическую, текстоцентрическую составляющую перевода. Однако перевод — это более сложный процесс. Как отмечают Р. М. Шамилов и А. В. Кириллова, прагматическая адаптация текста перевода нередко требуется не только в ходе работы с художественными текстами, поскольку последние, как традиционно считается, изобилуют национально-культурными реалиями, но и при работе со специальными текстами (Шамилов, Кириллова 2021: 90). Особенно это касается социального перевода в целом и судебного перевода в частности, поскольку они должны рассматриваться в том числе и с точки зрения социальных, культурных, а также психологических компонентов (Padilla, B., Padilla, F. 1999: 61). Таким образом, мы считаем, что ситуация в сфере регламентации деятельности судебных переводчиков, в рамках которой переводчики вынуждены подчиняться принципам, прописанным непрофессионалами, несправедлива. Переводчики должны быть наделены правом самостоятельной разработки соответствующих положений, регламентирующих осуществление перевода в ходе судебного процесса (Lebese 2015: 63);

– *неодинаковые статусы коммуникантов*

Одной из ключевых особенностей ССП, которая отличает ее от ситуации конференц-перевода, следует считать изначально существующее неравноправие коммуникантов. Типичная ССП предполагает, что одни коммуниканты являются представителями некоей государственной организации или учреждения и наделены определенными властными полномочиями, тогда как другие (иностранцы) коммуниканты выступают в роли частных лиц, а значит, обладают уже совершенно иным статусом. Таким образом, один из коммуникантов обладает более высоким статусом, который определяется его должностью, а также принадлежностью к культуре большинства (Roy 2000:45). Различия в статусах коммуникантов непосредственным образом влияют на ход самой коммуникации. В. Н. Комиссаров считает, что это отражается на поведенческих установках самого переводчика, поскольку тот не всегда способен сохранять нейтральную позицию в

коммуникативном калейдоскопе ССП ввиду определенных причин психологического характера (Комиссаров 2001б: 10).

В современной литературе существуют, по сути, две полярные точки зрения на роли переводчика в условиях наличия ярко выраженных статусных барьеров. Первая точка зрения состоит в том, что переводчик занимает активную позицию в ходе осуществления коммуникации: он считает себя правомочным вмешиваться в процесс коммуникации, проявляет инициативу в формировании коммуникации и достижении необходимого результата. Вторая точка зрения предполагает участие переводчика в качестве «невидимой переводческой машины», которая осуществляет дословную передачу исходного текста (Lang 1978: 241). Наверное, поэтому мнение о переводчике как о машине для перевода столь близко юристам, зато вызывает справедливые возражения со стороны переводческого сообщества.

Безусловно, в ситуации социального перевода возможности для маневров у переводчика весьма лимитированы. Ограничения заключаются в том числе в наличии коммуникантов с разными статусами, которые (эти статусы) переводчик не в силах ни устранить, ни сгладить. Если рассматривать ситуацию судебного перевода, то можно прийти к выводу, что изначальная конфронтационность определяется не только разными статусами коммуникантов, но и принципом состязательности участников судебного заседания: каждый пытается склонить суд на свою сторону. Задача переводчика состоит в успешном обеспечении коммуникации в условиях конфронтации, поэтому социальный переводчик (как и судебный) выступает в роли конфликтолога, регулирующего статусные и культурные разногласия коммуникантов, хотя вопрос о границах конфликтологических «полномочий» переводчика в ССП нуждается в дальнейшем исследовании (Гуреева 2013: 160);

– один из коммуникантов вынужденно оказался в ситуации социального перевода

Эта особенность также позволяет разграничить ССП и конференц-перевод. Проведение переговоров и конференций очевидным образом предполагает добровольный характер участия коммуникантов, не содержит элемента принуждения, чего не скажешь о ситуации социального или, в частности, судебного перевода. Будь то беженцы, которые покинули зону ведения боевых действий, либо иностранцы, пострадавшие в ходе обрушения здания, безусловно, всех их будет объединять одно: они не желали и не предвидели подобного развития событий. Поскольку эти люди затем вынужденно окажутся в государственных учреждениях, то они, скорее всего, будут испытывать от этого дополнительный дискомфорт и стресс. Из этого следует, что многое связано с моментами психологического характе-

ра. Переводчик иногда может выступать в роли психолога. Порой это означает, что для осуществления адекватного перевода переводчику надлежит сначала эмоционально и психологически проникнуться ситуацией, постараться психологически понять настрой и готовность к коммуникации каждого из участников и, если требуется, направить коммуникацию в нужное русло.

Все вышесказанное вполне применимо и к ситуации судебного перевода. Свидетели, обвиняемые вынужденно оказываются в обстановке судебного заседания, что нередко порождает явления, которые не характерны для ситуации конференц-перевода. Представитель языкового и культурного меньшинства, оказавшийся в ССП, ощущает дискомфорт, часто испытывает недоверие к государственным структурам и должностным лицам, особенно если это происходит в формате судебных заседаний. Здесь вновь уместно вспомнить о значительной степени конфронтационности ССП, которая провоцируется не только различиями в статусах коммуникантов, но также изначальным (возможным) недоверием иноязычного коммуниканта к органам государственной власти. Следовательно, в отличие от ситуации конференц-перевода, в ССП переводчик играет роль конфликтолога, который в условиях существования различных ограничений коммуникативного характера выполняет функцию эффективного межкультурного и межъязыкового медиатора, добивается установления взаимопонимания между коммуникантами. Исходя из этого, многие переводоведы делают вывод о многоаспектном характере роли переводчика в социальной сфере. В частности, С. Хейл выделяет следующие функции социального перевода:

1) Переводчик оказывает помощь представителю языкового меньшинства, с тем чтобы тот мог наилучшим образом представить свое дело. Иными словами, переводчик выполняет функцию «адвоката», который представляет интересы иноязычного коммуниканта.

2) Переводчик — это помощник государственного служащего, поскольку он помогает и представителям государственных структур.

3) Переводчик — это «диспетчер», который, в сущности, решает, что можно произносить, а чего произносить не следует.

4) Переводчик — лицо, обеспечивающее успешную и результативную коммуникацию между представителями государственных органов и представителями языкового меньшинства (цит. по [Сдобников 2015: 245–246]) — один из коммуникантов является представителем языкового меньшинства и другой культуры. Именно поэтому предлагается бикультурно-билингвальная модель участия переводчика в ССП (Lebese 2015: 69–70). До того как непосредственно приступить к переводу, переводчик дол-

жен обладать соответствующими межъязыковыми и межкультурными компетенциями, знать о региональных вариантах языка (диалектах), различиях невербального свойства, возможно, разном отношении коммуникантов к понятию времени, разных формах личных обращений, а также иных особенностях (Sokely 1992: 140). Это требование отчасти проистекает из потребности самого переводчика в понимании культур разных коммуникантов, поскольку такое знание помогает ему (переводчику) добиться того, чтобы коммуниканты смогли наиболее полным образом понять точку зрения друг друга. Другими словами, переводчик выполняет функцию *культурного брокера* (Bar-Tzur 1999: 2). По мнению исследователя Д. Бар-Цзура, бикультурно-билингвальная медиация обладает как достоинствами, так и недостатками. Положительный аспект состоит в способности переводчика, вооруженного знаниями о разных культурах коммуникантов, подбирать в языке перевода наиболее удачные семантические эквиваленты того, что было сказано на языке оригинала. Но есть и отрицательный момент: увлекаясь межкультурной медиацией, переводчик может невольно или неосознанно выйти за границы переводческой роли, поскольку будет пытаться играть роль всезнающего эксперта (Bar-Tzur 1999: 2).

Некоторые авторы настаивают на негативном влиянии переводческой функции в качестве межкультурного посредника, и в частности эксперта в области культуры, поскольку переводчик рискует выйти за рамки традиционно переводческой роли (Kondo 1990: 60; Gonzalez, Vasquez, Mikkelsen 1991: 240; Kelly 2000: 132). Не совсем ясно в таком случае, в чем конкретно состоит роль переводчика в социальной сфере и где границы этой роли. Сам по себе этот вопрос также можно считать дискуссионным. Между тем знания культурного характера могут оказаться незаменимым инструментом для переводчика в ССП. Если переводчик не способен выявлять культурные аспекты определенного языка, это может привести к утрате взаимопонимания между коммуникантами, к коммуникативным сбоям (или неудачам), поскольку язык всегда неразрывно связан с определенной культурой. Все это требует обращения внимания на дидактический компонент, на введение системной подготовки переводчиков на уровне вузов. Однако, говоря о российском образовании в области перевода, ряд авторов отмечают отсутствие системности подготовки переводчиков, без чего едва ли возможным является формирование важнейших переводческих компетенций (Иванов, Сдобников 2020; Иванов, Петрова, Сдобников 2021). Особый акцент ставится на формировании у переводчика культурной компетенции, умения распознавать знаки культуры в переводимом языке (Барышев, Сдобников 2020: 19);

– один из коммуникантов является непрофессионалом в той сфере, в которой он вынужденно оказался

В ситуации конференц-перевода примерно равный статус коммуникантов выражается не только в том, что они приблизительно равны (равноправны) с точки зрения своих социальных статусов, но также и в том, что участники коммуникации обладают примерно равными знаниями в предметной области. Например, участники переговоров хорошо знакомы с предметом дискуссии и повесткой дня, обладают примерно сопоставимым объемом фоновых знаний по теме переговоров. В случае с ССП все по-другому. Различие в знаниях профессионального характера между коммуникантами в ССП является еще одним барьером, который может препятствовать осуществлению успешной коммуникации с применением перевода. Переводчик вновь выступает в роли фасилитатора коммуникации, который, с одной стороны, хорошо владеет соответствующими профессиональными знаниями, а с другой — помогает иноязычному коммуниканту-непрофессионалу быть в курсе темы. Например, в рамках судебного заседания переводчик помогает узнать подсудимому, в чем его обвиняют, а также донести точку зрения подсудимого до других коммуникантов. Именно поэтому Л. Б. Обидина подчеркивает, что качественный судебный перевод может быть обеспечен только квалифицированным переводчиком, который имеет специальную подготовку, в том числе в определенных сферах юриспруденции (уголовной, гражданской, административной и т. д.), а «цель участия переводчика в суде (уголовном процессе) состоит в оказании помощи его сторонам (участникам) в установлении взаимопонимания, максимально комфортной, доверительной атмосферы общения, что само по себе должно способствовать предотвращению конфликтных ситуаций в данной сфере» (Обидина 2017: 521).

Подводя предварительный итог, можем с уверенностью утверждать, что переводчик должен выступать в роли эксперта, понимать и уметь выражать особенности культурного и языкового меньшинства, обладать необходимыми профессиональными знаниями, тонкой интуицией, чтобы иметь возможность эмоционально и психологически проникнуться окружающей обстановкой. Несомненно, переводчик в ходе осуществления социального перевода применяет определенные способы и тактики. В. В. Сдобников приводит следующую классификацию тактик судебного перевода:

- тактика выявления и передачи основной когнитивной информации;
- тактика осуществления контроля за ходом коммуникации;
- тактика стилистической адаптации текста (Сдобников 2015: 251–259).

Тактика выявления и передачи основной когнитивной информации предполагает осуществление определенных манипуляций с текстом оригинала. По мнению В. В. Сдобникова, основными переводческими операциями, направленными на осуществление этой тактики, можно считать следующие:

- 1) использование межъязыковых и переводческих соответствий;
- 2) резюмирование информации;
- 3) опущение коммуникативно-нерелевантной информации;
- 4) использование пояснений в процессе перевода;
- 5) использование уточняющих вопросов, адресованных автору исходного текста (псевдоперевод) (Сдобников 2015: 253).

Следует добавить, что псевдопереводы, согласно некоторым данным, могут составлять более 12 % от общего объема перевода, выполненного переводчиком в формате одной коммуникативной ситуации (Amato 2007: 35).

Важность тактики осуществления контроля за ходом коммуникации объясняется тем, что неравноправие коммуникантов, вовлеченных в совместную деятельность, нередко приводит к сбоям в коммуникативной ситуации. Кроме того, сама по себе ситуация, когда в коммуникативный процесс вовлечены люди, наделенные разным статусом, обладает выраженным конфликтогенным потенциалом. Задача переводчика — сглаживать неровности, которые могут проявляться в ходе коммуникации. *Переводчик — универсальный медиатор, помогающий сторонам наладить контакт вопреки всем существующим барьерам, сопряженным с неравноправием участников коммуникации.*

Необходимость стилистической адаптации текста также сложно переоценить. Коммуниканты, говорящие на разных языках, нередко обладают неодинаковым уровнем образования. Поэтому, с одной стороны, переводчику следовало бы преобразовывать разговорную, насыщенную просторечиями и жаргонизмами речь в нейтральную с точки зрения стилистики, иногда, безусловно, намеренно повышая стилистический регистр. С другой стороны, высказывания, которые содержат много специальных терминов, должны преобразовываться переводчиком таким образом, чтобы суть сказанного стала понятна неспециалисту. Однако здесь есть проблема: если стилистическая адаптация возможна в прочих ситуациях социального перевода, то судебный переводчик часто оказывается лишенным таких «полномочий», поскольку существующие кодексы судебного переводчика настаивают на том, чтобы переводчик воспроизводил *все* стилистические особенности речи коммуникантов. Таким образом, существует необходи-

мость обозначить отличительные особенности именно судебного перевода как особого подвида перевода в социальной сфере.

3. Судебный перевод как разновидность социального перевода

Судебный перевод, на наш взгляд, можно считать особым видом социального перевода. Об этом свидетельствуют некоторые особенности судебного перевода, которые не характерны для других видов социального перевода. Для того чтобы наиболее полно представить коммуникативную ситуацию судебного перевода, нам необходимо выделить свойства, которые, по нашему мнению, характерны для ситуации перевода в рамках судебного заседания. Ниже приведен перечень этих свойств:

1) Особый вид дискурса.

Без сомнения, судебный процесс и судебные заседания можно считать отдельным видом коммуникативной ситуации, подразумевающим погружение в судебный дискурс с его обилием юридических терминов и формулировок, с особой атмосферой судебного заседания, со строгостью, формальностью и совершенно четким порядком проведения заседаний в зале суда.

Судебный дискурс включает в себя не только вопросы исключительно юридической направленности, но также и ряда смежных областей. Существуют разные виды экспертиз: криминалистические экспертизы (почерковедческая, экспертиза оружия и т. д.), медицинская, биологическая, геологическая, экономическая, психологическая, лингвистическая и пр. (Евсиков 2009). Из этого следует, что судебный дискурс является полиморфным по своему характеру. Для переводчика это может представлять определенные трудности, поскольку помимо знания языков и обладания навыками перевода необходимо также обладать знаниями (по крайней мере, базовыми) из специальных областей. Между тем российское законодательство, в частности Уголовно-процессуальный кодекс РФ, не содержит подобных требований к судебному переводчику. Единственное требование — это свободное владение языком иноязычного участника судебного процесса (Ст. 59 УПК РФ. Переводчик), что, кстати говоря, также является весьма спорным положением и, несомненно, нуждается в дальнейшей проработке.

Кроме того, специфическая юридическая лексика требует повышенной внимательности от переводчика. Конечно, в любом случае и практически в любой ситуации можно утверждать, что у переводчика нет права на ошибку, но когда речь заходит именно о судебном переводе, можно считать, что судебный переводчик несет колоссальную ответственность, поскольку от каждого произнесенного им слова может зависеть исход дела.

В литературе высказывается справедливое, на наш взгляд, мнение о том, что многоаспектность коммуникативной ситуации судебного перевода неизбежно приводит к усложнению роли самого судебного переводчика, предполагает выдвижение многочисленных требований к фигуре переводчика, которые прежде всего касаются объема знаний такого переводчика, а также его квалификации. С. Хейл пишет, что судебный перевод требует от переводчика не только наличия таких качеств, как билингвизм (владение двумя языками) и бикультурализм (владение знаниями о двух разных культурах), но также и определенного уровня подготовки, практики, наличия соответствующего образования. Без трех последних параметров переводчик, во-первых, не будет восприниматься в качестве профессионала в глазах представителей юридического сообщества, судей, адвокатов и др., а во-вторых, он не будет обладать достаточными знаниями о сложности процесса осуществления судебного перевода, значимости выполняемых им (переводчиком) функций и последствиях совершаемых им действий, что, в свою очередь, сделает такого переводчика еще более уязвимой фигурой (Hale 2005).

М. Кадрич отдельно выделяет межкультурный характер коммуникации в формате судебного заседания, называя переводчика «универсальным экспертом по вопросам межкультурной коммуникации». Она добавляет, что судебный перевод — это передача не только сугубо «лингвистической оболочки высказывания» на ПЯ, но также и того, что скрыто «внутри», т. е., имплицитной информации, например какие-либо культурные отсылки в высказываниях коммуникантов, юридические тонкости и пр. (Kadric 2009: 29).

Наконец, особый характер коммуникативной ситуации судебного перевода определяется еще одним аспектом — устоявшейся «традицией» проведения судебного заседания в том смысле, что судебный перевод может быть осуществлен в разных форматах, которые зависят от предпочтений судей, от конкретной страны. Ранее уже было сказано, что кодексы судебного перевода в США предписывают осуществление дословного перевода с сохранением всех стилистических (и других) особенностей выступлений участников судебного процесса. К. Нартовска пишет, что в Австрии перевод по просьбе судьи может осуществляться в сокращенном виде, а не полном и дословном. Например, когда зачитывается текст обвинения или заключение судебно-психиатрической экспертизы, переводчику разрешается передавать лишь самое основное (в чем обвиняют подсудимого и насколько он адекватен; этим, кстати сказать, охотно пользуются сами переводчики, поскольку обилие профессиональной лексики может затруднять полный перевод услышанного, однако опытный переводчик способен

передать выжимку, суть того, что было сказано). Такой подход характерен и для осуществления коммуникации в суде в виде диалога между судьей и подсудимым: если подсудимый излишне многословен, склонен к резонерству и длительным размышлениям, то судья может попросить переводчика передавать только суть, самое главное из ответов подсудимого (Nartowska 2014: 73).

2) Биполярный характер коммуникации, осуществляемой по оси «конфронтация — сотрудничество».

Чтобы пояснить этот пункт, нам необходимо представить себе основную «диспозицию» судебного заседания и ту ролевую дислокацию, которую занимает в нем переводчик. Представить это можно в упрощенном виде: с одной стороны — судья, государственное обвинение, а с другой — сторона защиты и сам подсудимый. Где-то среди означенных фигур занимает свое место еще один немаловажный игрок — переводчик. Заранее условимся, что мы не считаем, будто переводчик осуществляет перевод текста, если выразиться философским слогом, как «вещи в себе», будто это нечто оторванное от реальности. Напротив, текст оригинала неразрывно связан с обстановкой, с коммуникантами, с их реакцией на происходящее или, как любят выражаться переводчики, с контекстом реальной ситуации. Поэтому априори будем считать, что мы придерживаемся коммуникативно-функционального подхода к переводу.

Кроме того, необходимо отметить следующий момент. А. Д. Французова пишет, что характер речи в рамках судебного слушания, а также способ организации высказывания рассматривается в литературе через призму дихотомии «диалог — монолог» (Французова 2021: 59). Диалог и монолог отличаются не «числом субъектов вербальной коммуникации», а «сущностью — развитием, процессуальностью и интенциональностью на обмен смыслами» (Универсалюк 2009: 198). Эпизоды, когда участникам судебного заседания предоставляется возможность рассказать об обстоятельствах дела в свободной форме, теоретически можно было бы рассматривать как монологические высказывания. С другой стороны, такие высказывания всегда ориентированы на слушателей (Лазарева, Шестакова 2018: 39), обладают развитием, чертами процессуальности, в любой момент могут быть прерваны вопросами или ремарками других коммуникантов, что, в сущности, отражает их адаптивность к реакциям реципиента. Из этого следует, что монологоподобные реплики следует рассматривать как особые формы судебного диалога. Подобные размышления хорошо вписываются в парадигму коммуникативно-функционального подхода к осуществлению перевода, где адекватность перевода существенным образом определяется соответствующей коммуникативной ситуацией. В частности,

В. В. Сдобников в таких случаях выделяет две стратегии перевода: собственно перевод и терциарный перевод (Сдобников 2010: 140–141). Важным является условие установления взаимопонимания между разноязычными коммуникантами, обеспечение коммуникативной, интерактивной и перцептивной сторон общения.

Поскольку мы определили, что перевод не осуществляется в отрыве от коммуникантов и самой ситуации, это позволяет нам предположить, что значительную роль в процессе перевода будет играть контакт переводчика с каждой из сторон судебного заседания. До какой степени переводчик может сохранять собственный нейтралитет в подобных ситуациях? Считается, что переводчик не может быть заинтересован в исходе дела, он должен быть абсолютно беспристрастным. Но где границы этого холодного переводческого нейтралитета и беспристрастности? Мы полагаем, что нейтралитет и беспристрастность важны, но это лишь одна сторона медали. Не менее важную роль играет и то, что уже несколько выходит за рамки упомянутого нейтралитета, — способность переводчика к *эмпатии*. Она важна не для того, чтобы чувственно переживать за судьбу подсудимого, а, скорее, для того, чтобы лучше понять и прочувствовать его настрой, его точку зрения, применив соответствующие навыки эмоционального интеллекта. Именно на данном этапе наступает момент, когда переводчик должен мысленно определиться со своей стратегией: либо дистанцироваться от подсудимого, либо, наоборот, сблизиться с ним, т. е., инициировать сотрудничество с последним.

Сотрудничество выражается в первую очередь в готовности коммуникантов к пониманию друг друга. Это же относится к взаимоотношениям между переводчиком и другими коммуникантами в ситуации судебного заседания, особенно если мы говорим о подсудимом как о лице, не владеющем языком судопроизводства. Иноязычный участник коммуникации должен проникнуться доверием к переводчику, должен воспринимать его не как часть «враждебной государственной структуры», которая собирает его «засудить», а, скорее, как необходимого помощника, союзника. Союзника не в том смысле, что путем заведомо неправильного перевода (что, кстати говоря, согласно статье 307 Уголовного кодекса РФ является уголовно наказуемым деянием) переводчик будет помогать подсудимому добиваться смягчения наказания, но как нужного языкового помощника, который ассистирует иноязычному коммуниканту в процессе многосторонней коммуникации с остальными участниками судебного заседания: подсудимый таким образом понимает, что ему говорят, а также доносит свою точку зрения, комментарии или вопросы до остальных коммуникантов.

Оказавшись в новой и зачастую непонятной для него атмосфере судебного заседания, иноязычный коммуникант, скорее всего, будет ощущать себя несколько неловко, скованно, будет испытывать определенное недоверие к остальным коммуникантам, включая и главного виртуоза межлингвистической и межкультурной медиации — переводчика. Соответственно, с самого начала судебного заседания переводчику рекомендуется расположить к себе иноязычного участника процесса, прибегая, когда требуется, к дополнительным вопросам либо кратким пояснениям. В конце концов, главная задача переводчика является двухаспектной: 1) предоставить подсудимому информацию о том, в чем его обвиняют; 2) дать подсудимому «слово», возможность высказаться, но сделать это так, чтобы подсудимый был уверен, *что его правильно понимают, понимают его так, как он бы этого хотел*. Иными словами, многое здесь будет держаться на твердой (или не очень) вере подсудимого в то, что переводчик верно уловил интенцию последнего, что привело к нужному коммуникативному эффекту.

Все это окажется невозможным без такого фундаментального понятия в человеческих взаимоотношениях, как доверие. «Сотрудничать» переводчик может и с судьей, а равно и с другими коммуникантами в ходе судебного заседания. Но в любом случае следует помнить, что коммуникация — процесс обоюдный, в том числе и коммуникация, осуществляемая при помощи перевода. Переводчик никогда не переводит в пустоту, в вакуум, ведь его перевод всегда будет рассчитан на какого-то реципиента, получателя этого перевода. И если, например, подсудимый удовлетворен работой переводчика, то не факт, что такое же чувство удовлетворения от перевода будет испытывать судья, прокурор, свидетели или другая сторона судебного заседания.

На другом полюсе коммуникации в формате судебного заседания стоит конфронтационность. Она, как мы подчеркивали выше, существует изначально, поскольку предопределяется различиями в статусах, а также интенциях коммуникантов как участников судебного процесса. Судебный перевод не может быть направлен на углубление этой конфронтационности, поскольку приведет таким образом к многочисленным коммуникативным сбоям, которые в свою очередь еще больше затруднят нормальный ход коммуникации. В таком случае задача переводчика по обеспечению межъязыковой и межкультурной коммуникации не будет выполнена. Следовательно, главное, что требуется от переводчика, — это обеспечение коммуникации в условиях изначально существующих барьеров, что подчеркивалось нами ранее.

Вышесказанное наводит нас на мысль о том, что переводчик должен непременно стремиться к всеобъемлющей стратегии «сотрудничества» в ходе судебного заседания. Но в действительности дело обстоит несколько сложнее. Переводчик, подобно эквилибристу, должен уметь балансировать, сохраняя при этом равновесие, чувствовать тонкую грань между холодной «отстраненностью» и избыточным «сотрудничеством», когда переводчик начинает проявлять неуместное сочувствие к подсудимому. Возможна и ситуация, когда переводчик оказывается под давлением со стороны подсудимого либо представителей его защиты. На этом моменте следует остановиться подробнее.

Переводчик часто воспринимается подсудимым (а также его защитой) как один из представителей «государственной машины», общая задача которой якобы состоит в том, чтобы непременно признать подсудимого виновным и назначить ему соответствующее наказание. Подсудимый, таким образом, склонен рассматривать переводчика как помощника стороны обвинения. Следовательно, иногда можно говорить о попытках манипулирования переводчиком. У подсудимых, исповедующих заведомо враждебное отношение к суду и судебному переводчику, есть, по сути, три варианта действий:

- всячески усложнять работу переводчика путем использования слов, словосочетаний, выражений двусмысленного, неоднозначного характера;
- манипулировать переводчиком;
- осуществлять прямое давление на переводчика (путем угроз ему, его родственникам и т. д.) с целью добиться отвода переводчика и тем самым затянуть судебное разбирательство.

Об этих и других аспектах подробно писал А. В. Винников в статье, посвященной языкам этнических криминальных групп в уголовной практике Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН России) (Винников 2012: 192–196). Автор отмечает, что цыгане активно прибегают к использованию языка в качестве шифра, играя на неоднозначности синонимии и жонглируя разными значениями одних и тех же слов, обладающих полисемией. Цыганское слово «кова», к примеру, может обозначать любую вещь — дверь, окно, полотенце, сумку и т. д., в том числе и какое-либо наркотическое или психотропное вещество. Задача переводчика — установить истинный смысл высказывания, чтобы не допустить ошибки. Кроме того, цыгане способны к оказанию психологического, экстрасенсорного воздействия на переводчика, на его психику и подсознание, чтобы добиться от него действий, выгодных для цыган, но не для самого переводчика. Что касается давления на переводчиков, то в этом контексте автор приводит следующий пример. В 2010

году расследовалось уголовное дело по обвинению лица ингушской национальности по ст. 228 УК РФ («Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества»). Обвиняемый узнавал каждого переводчика и через своих родственников просил удалить их из судебного процесса. Таким образом судебный процесс затягивался, поскольку сменилось 17 потенциальных переводчиков — они быстро исчезали уже после первой встречи с обвиняемым. Справился только восемнадцатый переводчик, так как был незнаком подсудимому.

Исходя из этого, можно предположить, что общение переводчика и подсудимого (представителей его защиты) необходимо свести к максимально низкой отметке для минимизации риска того, что переводчик окажется под влиянием подсудимого, когда ни о каком нейтралитете переводчика говорить уже не придется. В ряде этических кодексов отдельным образом подчеркивается этот момент, и выглядит он как своеобразное предостережение для переводчика. Например, в Кодексе профессиональной ответственности судебного переводчика штата Коннектикут говорится о том, что переводчики непременно должны держать нейтралитет. Это в том числе достигается путем избегания ненужных неформальных контактов с любой из сторон судебного заседания, которые говорят на языке, отличном от языка судопроизводства (Code of Professional Responsibility for Court Interpreters). В любом случае переводчику пригодится беспристрастность. Не принимая на себя роль адвоката подсудимого, переводчик тем не менее выступает своеобразным его языковым «лицом», стремясь к адекватной передаче смыслов и интенции его высказываний. Для этого, еще раз подчеркнем, необходимо отойти от догматического буквализма и «развязать переводчику руки», предоставить ему возможность для проактивного участия в судебном заседании наравне с другими участниками судебного процесса.

3) Необходимость формирования единой предметной действительности в сознании коммуникантов.

Судебное заседание объединяет коммуникантов, которые обладают разным уровнем образования, принадлежат к разным культурам, владеют различными профессиональными знаниями. Коммуниканты могут придерживаться противоположных мировоззренческих установок и ценностей. Иными словами, различия между участниками судебного процесса могут быть очень велики. В подобных условиях переводчик выступает в роли

главного скульптора или архитектора представлений коммуникантов о происходящем на судебных заседаниях. Переводчик должен стремиться к формированию единой предметной действительности в сознании как судьи, так и подсудимого. Единые представления в сознании коммуникантов важны для обеспечения должного хода судебного процесса, а также для избежания возможных недоразумений, которые могут пагубно сказаться на исходе судебного заседания. Вновь можно подчеркнуть важнейшую роль переводчика в ходе судебного процесса, его ответственность за происходящее в суде, что еще раз указывает на его особую и отнюдь не второстепенную роль в рамках судебного заседания.

4) Расширительный перевод в отношении иноязычного коммуниканта и более краткий, «сухой» в отношении судьи.

К этому пункту следует отнести диалоги между переводчиком и подсудимым (свидетелем), а также одностороннюю коммуникацию по линии переводчик — судья. Подобные явления обусловлены сугубо прагматическими соображениями: иноязычный коммуникант, оказавшись в непривычной и стрессовой для него ситуации судебного перевода, нередко нуждается в пояснениях, уточнениях, возможных упрощениях, если, например, прокурор или судья говорят на слишком сложном и непонятном для него (подсудимого) языке. Здесь уместно говорить о тактике намеренного упрощения, или *тактике симплификации*, к которой вынужден прибегать переводчик, для того чтобы передать суть сложных, перегруженных длинными конструкциями и терминологией речей коммуникантов более простым языком для иноязычного коммуниканта, который, как мы помним, скорее всего, не будет профессионалом в юриспруденции и иных смежных областях. Нередко это приводит к увеличению количества времени звучания перевода, что может вызвать некоторые подозрения со стороны судьи. Очевидно, здесь тоже необходима золотая переводческая середина, чтобы переводчик в своем стремлении адаптировать вопросы или комментарии судьи для более полного и доступного понимания их подсудимым не взял на себя роль правового консультанта. В обратную сторону (т. е. при переводе речи подсудимого для судьи) переводчик стремится к связному и понятному изложению того, что было сказано подсудимым. Если подсудимый склонен к длинным рассуждениям, которые не столь важны для того, чтобы в таком же излишне подробном виде воспроизводить их на переводящем языке, то переводчик, как мы считаем, вправе применять приемы компрессии и опущений, с чем опять-таки не согласятся представители юридического сообщества. Справедлива и обратная ситуация, когда подсудимый отвечает очень кратко и сухо, и это может затруднить понимание сути его высказываний из-за нехватки информации. В такие моменты пе-

реводчик стремится к активному диалогу с подсудимым для «вытягивания» из него дополнительных деталей и пояснений, чтобы потом воспроизвести их в более подробном виде в языке перевода. Что касается диалогов с судьей, то необходимость в этом возникает не столь часто, поскольку переводчик и судья чаще всего владеют одним и тем же языком — языком судопроизводства.

5) Особый статус судебного переводчика.

Целесообразно разделить понятие статуса на две категории — формальный статус (формальная роль) и фактический статус (фактическая роль на судебном заседании). По мнению Л. Б. Обидиной и Е. А. Обидина, формальный статус переводчика, приглашаемого для участия в судебных заседаниях, отнесен российским законодателем к категории *иных участников судебного процесса, выполняющих вспомогательные задачи* (Обидина, Обидин 2018: 23), с чем мы склонны согласиться. Но как быть с фактической ролью переводчика на судебных заседаниях? В первую очередь необходимо уточнить, что понятия формального и фактического статусов не должны противоречить друг другу. Утверждение о том, что переводчика следует относить к другим участникам судебного процесса, не означает автоматического зачисления переводчика в разряд сугубо второстепенных участников, что предполагало бы ограниченные роль и «функционал» переводчика. Можно выделить два основных фактора, которые предрасполагают переводчика к обретению особой роли. Во-первых, судьи нередко рассматривают переводчика как «необходимое зло», но подсудимый, напротив, может возлагать какие-то надежды на переводчика, поскольку воспринимает последнего как своего языкового и культурного помощника. Такое полярное восприятие переводчика вполне отвечает биполярному характеру коммуникации, описанному нами выше. Во-вторых, переводчик, балансируя между двумя сторонами, не ассоциирует себя ни со стороной обвинения, ни со стороной защиты, ни с какими-либо другими участниками судебного заседания. Эти два фактора свидетельствуют в пользу того, что судебный переводчик обладает особым статусом. Особый статус судебного переводчика означает, что он полномочен в том, чтобы коммуницировать с другими участниками судебного заседания на равных. *Переводчик — это особый, но в любом случае полноправный участник судебного процесса.*

Кроме того, в зарубежной литературе предлагались различные классификации ролей переводчика в ходе судебного заседания (Lebese 2015: 66–80; Viljanmaa, Mantynen 2017). Несмотря на отдельные различия и погрешности между этими классификациями, можно выделить наиболее существенные роли переводчика в рамках судебного заседания. Каждая из

представленных ниже ролей определяет конкретную тактику осуществления судебного перевода:

1) Переводчик как помощник — тактика предоставления помощи иноязычному участнику судебного процесса (либо коммуниканту, страдающему патологиями слуха и / или речи) в налаживании коммуникации с представителями языкового большинства, владеющими языком судопроизводства (не страдающими патологиями слуха и / или речи).

2) Переводчик — невидимый канал связи. В рамках этой парадигмы переводчик осуществляет перевод, «максимально близкий к тексту». Переводчик — незаметный для остальных механизм, машина по конвертации высказываний на одном языке в высказывания на другом.

3) Переводчик — фасилитатор коммуникации. В данном случае с точки зрения переводческих тактик переводчик выходит за рамки «собственно перевода» и активно участвует в налаживании коммуникации, воспринимается, как межкультурный медиатор и даже как «языковой адвокат» иноязычного коммуниканта.

4) Билингвально-бикультуральная роль. Из названия очевидно, что переводчик в этом случае является коммуникантом, обладающим знаниями о двух разных языках и культурах. Переводчик прекрасно осведомлен о культурных особенностях коммуникантов, различиях невербального характера, региональных особенностях языков (диалектах) и т. д.

5) Переводчик — лингвистический фасилитатор. Обладает некоторыми сходствами с такими моделями, как «невидимый канал связи» и «фасилитатор коммуникации». Переводчик обеспечивает успешную коммуникацию между сторонами судебного заседания, при этом должен передавать все особенности речей коммуникантов, включая разговорные и просторечные выражения, жаргонизмы, сленг, ругательства, обценную лексику и пр., а также стиль и регистр высказываний.

6) Переводчик в роли канала («мостика») коммуникации. Во многом напоминает модель «незаметного канала связи».

По нашему мнению, переводчик, скорее всего, не будет строго следовать какой-либо из предложенных выше ролей. Можно предположить, что роль судебного переводчика окажется многоаспектной и будет одновременно включать в себя черты всех упомянутых моделей коммуникации в зависимости от конкретного контекста ситуации. В этом состоит еще одна особенность фигуры судебного переводчика и его роли в рамках судебного слушания.

4. Особенности коммуникативной ситуации судебного перевода

Базируясь на вышеописанных особенностях судебного перевода, представим возможную схему коммуникации, осуществляемой с использованием судебного перевода (см. Схема 1):

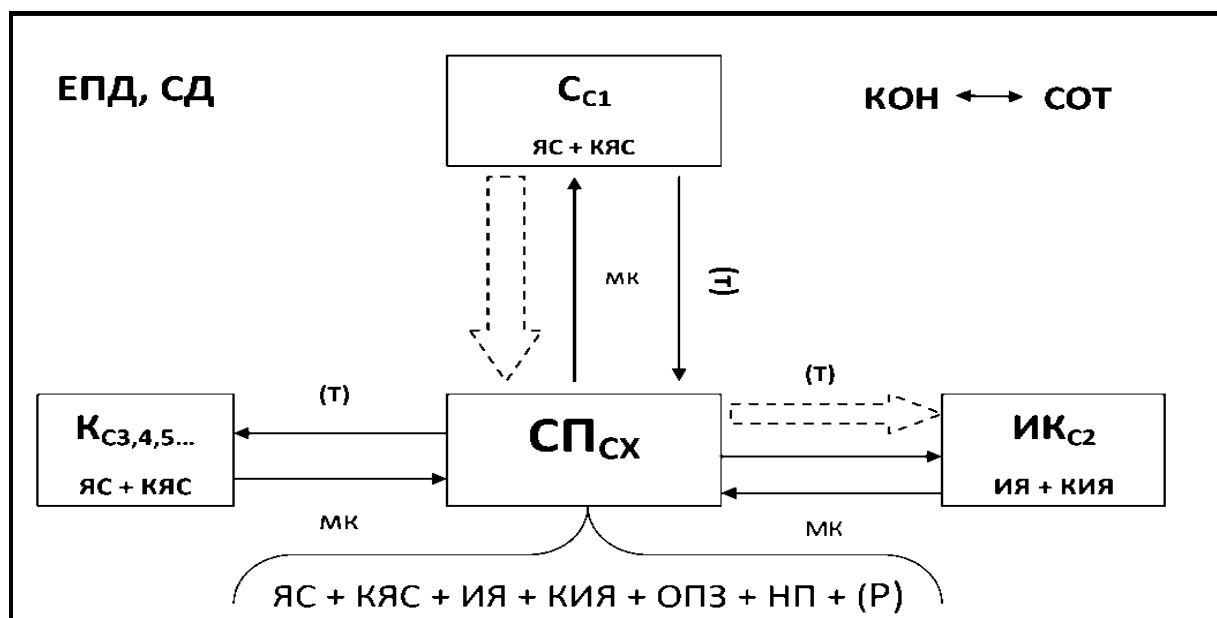

Схема 1. Коммуникация, осуществляемая с использованием судебного перевода

Условные обозначения и пояснения к схеме:

1) Фоновые параметры. Эти параметры выступают «фоном» коммуникации, изначально определяя ее ход:

ЕПД — единая предметная действительность в сознании коммуникантов;

СД — судебный дискурс;

КОН ↔ СОТ — биполярный характер коммуникации по оси «конфронтация — сотрудничество».

2) Параметры коммуникации с использованием судебного перевода:

МК — межкультурная коммуникация (при переводе в обе стороны);

(Т) — возможные тактики осуществления перевода. Они заключены в скобки, чтобы показать неоднозначность вопроса применения переводчиком разных тактик, поскольку с точки зрения судебно-переводческих кодексов переводчик должен действовать по строго прописанным канонам, однако в ситуации реального общения есть вероятность импровизаций и вариативных подходов к осуществлению перевода. Достаточно конфликтный момент;

ЯС — язык судопроизводства;

КЯС — культура языка судопроизводства (принимающая культура);

ИЯ — иной язык (на котором говорит иноязычный коммуникант);

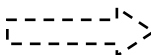
КИЯ — культура иного языка (исходная культура);

С_{с1} — судья. Обладает статусом 1. Мы специально ввели параметр статусных различий между коммуникантами, поскольку это оказывает существенное влияние на процесс перевода;

ИК_{с2} — иноязычный коммуникант, обладающий статусом 2;

К_{с3,4,5...} — условное обозначение любого другого коммуниканта, владеющего языком судопроизводства и обладающего своим уникальным статусом (статусы 3, 4, 5 и т. д.);

СП_{сх} — судебный переводчик, обладающий статусом «икс». Статус «икс» означает, что переводчик совершенно точно занимает определенный статус среди других коммуникантов, однако существуют затруднения с определением конкретных границ такого статуса;

 — служит для обозначения контроля процесса коммуникации со стороны судьи. Судья как председательствующее лицо на любом судебном заседании обладает эксклюзивным правом на регулирование коммуникации в целом, действий и высказываний судебного переводчика (до определенной степени), действий и высказываний иноязычного участника судебного заседания. Судья контролирует иноязычного коммуниканта через переводчика;

(Р) — роли переводчика (как и в случае с тактиками судебного перевода, вопрос о существовании и значимости переводческих ролей по-прежнему вызывает дискуссии);

ОПЗ — основы профессиональных знаний переводчика, необходимых для успешной коммуникации в пределах особого судебного дискурса;

НП — навыки перевода;

Судебный переводчик — уникальный и особый коммуникант, владеющий ЯС, КЯС, ИЯ, КИЯ, ОПЗ, НП, (Р) (на схеме это показано при помощи объединяющей фигурной скобки). Это подчеркивает его ключевую роль в контексте осуществления межкультурной и межъязыковой коммуникации.

5. Заключение

Перевод в социальной сфере качественным образом отличается от других видов перевода. К основным особенностям перевода в социальной сфере (либо, как его еще называют, социального перевода) относят неравноправие коммуникантов, официальную обстановку, непривычную ситуацию для иноязычного коммуниканта, вынужденную необходимость коммуникации с точки зрения представителя языкового меньшинства, кото-

рый к тому же зачастую является носителем другой культуры, а также непрофессионалом в данной конкретной сфере. Мы согласны с тем, что судебный перевод, в сущности, представляет собой один из подвидов перевода в социальной сфере. Несмотря на то что вышеупомянутые особенности социального перевода приложимы и к судебному переводу, мы считаем, что коммуникативная ситуация судебного перевода обладает рядом отдельных черт, которые характерны скорее для судебного перевода в частности, нежели для перевода в социальной сфере в целом. Главными особенностями коммуникативной ситуации судебного перевода можно считать следующие: особый судебный дискурс, биполярный характер коммуникации по линии «конфронтация — сотрудничество», особый статус судебного переводчика, единая предметная действительность в сознании коммуникантов, частый расширительный перевод в отношении иноязычного коммуниканта и более сухой в адрес судьи.

Список литературы / References

- Барышев Н. В., Сдобников В. В. Культурный код в аспекте переводческой деятельности // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Спецвыпуск. С. 18–32. [Baryshev, Nikolay V., & Sdobnikov, Vadim V. (2020) Kul'turnyj kod v aspekte perevodcheskoj deyatel'nosti (Cultural Code in the Aspect of Translation Activity). *LUNN Bulletin*, Special Issue, 18–32. (In Russian)].
- Винников А. В. Языки этнических криминальных групп (цыганские, кавказские и пр.) в уголовной практике ФСКН России. Проблема компетентности переводчиков // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2012. № 1 (10). С. 187–196. [Vinnikov, Andrey V. (2012) Yazyki etnicheskikh kriminal'nyh grupp (cyganskie, kavkazskie i pr.) v ugovolnoj praktike FSKN Rossii. Problema kompetentnosti perevodchikov (Languages of Ethnic Criminal Groups (Gypsy, Caucasian, etc.) in the Criminal Practice of the Federal Drug Control Service of Russia. The Problem of the Competence of Translators). *Vestnik of the Siberian Law Institute of the FDCS of Russia*, 1 (10), 187–196. (In Russian)].
- Гуреева А. А. Коммуникативные действия переводчика в ситуации коммунального перевода // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2013. № 2 (18). С. 159–162. [Gureeva, Anna A. (2013) Kommunikativnye dejstviya perevodchika v situacii kommunal'nogo perevoda (Communicative Actions of an Interpreter in a Situation of Community Interpreting). *Science Journal of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 2 (18), 159–162. (In Russian)].
- Евсиков К. С. Классификация судебных экспертиз // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2009. № 1. С. 321–327. [Yevsikov, Kirill S. (2009) Klassifikaciya sudebnyh ekspertiz (Classification of Forensic Examinations). *Izvestiya of Tula State University*, 1, 321–327. (In Russian)].
- Иванов А. В., Петрова О. В., Сдобников В. В. Основные принципы подготовки преподавателей перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического

- го университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 1 (53). С. 164–166. [Ivanov, Andrey V., Petrova, Olga V., & Sdobnikov, Vadim V. (2021) *Osnovnye principy podgotovki prepodavatelej perevoda* (Basic Principles of Training Teachers of Translation). *LUNN Bulletin*, 1 (53), 164–166. (In Russian)].
- Иванов А. В., Сдобников В. В. Формирование переводческих компетенций как основная задача преподавателей перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Вып. 3 (51). С. 117–132. [Ivanov, Andrey V., & Sdobnikov, Vadim V. (2020) *Formirovanie perevodcheskih kompetencij kak osnovnaya zadacha prepodavatelej perevoda* (Formation of Translation Competencies as the Main Task of Translation Teachers). *LUNN Bulletin*, 3 (51), 117–132. (In Russian)].
- Комиссаров В. Н. Перевод в социально-бытовом контексте: постановка проблемы // Перевод в современном мире: Сборник статей / отв. ред. И. И. Убин. М.: ВЦП, 2001. С. 8–11. [Komissarov, Vilen N. (2001) *Perevod v social'no-bytovom kontekste: postanovka problem* (Translation in the Social Context: Problem Statement). In Ubin, Ivan I. (ed.) *Perevod v sovremennom mire: Sbornik statej* (Translation in the Modern World: Collection of Papers). Moscow: VCP, 8–11. (In Russian)].
- Лазарева В. А., Шестакова Л. А. Судебная речь по уголовному делу: учеб. пособие. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2018. [Lazareva, Valentina A., & Shestakova, Liubov' A. (2018) *Sudebnaya rech' po ugovnomu delu: ucheb. posobie* (Judicial Speech in a Criminal Case: Textbook): Samara: Izd-vo Samarskogo un-ta. (In Russian)].
- Обидина Л. Б. Кому служит переводчик в суде? // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 517–521. [Obidina, Ludmila B. (2017) *Komu sluzhit perevodchik v sude?* (Whom Does a Court Interpreter Assist?). *Juridical Techniques*, 11, 517–521. (In Russian)].
- Обидина Л. Б., Обидин Е. А. Участие переводчика в доказывании по уголовным делам: Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2018. [Obidina, Ludmila B., & Obidin, E. A. (2018) *Uchastie perevodchika v dokazivanii po ugovnim delam* (Participation of an Interpreter in Proving in Criminal Cases): Monograph. Nizhny Novgorod: Izd-vo NNGU. (In Russian)].
- Сдобников В. В. Типология перевода: коммуникативно-функциональный подход // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2010. Вып. 10. С. 132–143. [Sdobnikov, Vadim V. (2010) *Tipologiya perevoda: kommunikativno-funkcional'nyj podhod* (Translation Typology: Communicative-Functional Approach). *LUNN Bulletin*, 10, 132–143. (In Russian)].
- Сдобников В. В. Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода : Дис. ... д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2015. [Sdobnikov, Vadim V. (2015) *Kommunikativnaya situaciya kak osnova vybora strategii perevoda* (Communicative Situation as the Basis for Choosing a Translation Strategy). Advanced PhD Thesis (in Philology). Nizhny Novgorod. (In Russian)].
- Ст. 59 УПК РФ. Переводчик [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/76eddc7871ddd8e9d3541669f9b9b7c7c70acc33/. (дата обращения: 04.05.2022) [Stat'ya 59 UPKRF. *Perevodchik* (Article 59 of the Russian Criminal Procedure Code. Interpreter) (2022, May 4). *Konsul'tant Plyus*. Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/76eddc7871ddd8e9d3541669f9b9b7c7c70acc33/. (In Russian)].

- Сухарева Е. Е., Черникова Н. С. Проблемы перевода медицинского дискурса в контексте социального перевода // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 4. С. 115–120. [Sukhareva, Elena E., & Chernikova, Natalia S. (2014) Problemy perevoda medicinskogo diskursa v kontekste social'nogo perevoda (Problems of Translation of Medical Discourse in the Context of Community Interpreting). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 4, 115–120. (In Russian)].
- Универсальюк Е. А. Когнитивно-дискурсивные аспекты интерпретации социального диалога // Языковая реальность познания: сб. науч. тр. Иркутск: ИГЛУ, 2009. С. 195–213. [Universalyuk, Elena A. (2009) Kognitivno-diskursivnye aspekty interpretacii social'nogo dialoga (Cognitive-Discursive Aspects of the Interpretation of Social Dialogue). *Yazykovaya real'nost' poznaniya: sb. nauch. tr.* (Linguistic Reality of Cognition: sb. nauch. tr.). Irkutsk: IGLU, 195–213. (In Russian)].
- Французова А. Д. Коммуникативные неудачи в устном судебном переводе: лингвосомиотический аспект (на материале шведского и русского языков): дис... канд. филол. наук. Архангельск, 2021. [Francuzova, Anna D. (2021) *Kommunikativnye neudachi v ustnom sudebnom perevode: lingvosemioticheskij aspekt (na materiale shvedskogo i russkogo yazykov)* (Communicative Failures in Court Interpreting: Linguosemiotic Aspect (Based on the Swedish and Russian Languages): PhD Thesis (in Philology). Arhangel'sk. (In Russian)].
- Шамилов Р. М., Кириллова А. В. К вопросу о типологизации прагматической адаптации в специальном переводе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 2 (54). С. 89–106. [Shamilov, Raviddin M., & Kirillova, Arina V. (2021) *K voprosu o tipologizacii pragmaticheskoy adaptacii v special'nom perevode* (On Typology of Pragmatic Adaptation in Specialized Translation). *LUNN Bulletin*, 2 (54), 89–106. (In Russian)].
- AIIC1984. Random selection from reports and notes on the Brussels seminar. *AIIC Bulletin*, 12 (1), 21.
- Amato, Amalia. (2007) The Interpreter in Multi-Party Medical Encounter. In Wadensjö, Cecilia, Englund Dimitrova, Birgitta, & Nilsson, Anna-Lena (eds.) *Professionalisation of Interpreting in the Community*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 27–38.
- Angelelli, Claudia V. (2004) *Revisiting the Interpreter's Role: A study of Conference, Court, and Medical Interpreters in Canada and United States*. Amsterdam: John Benjamins.
- Bahadır, Şebnem. (2010) The Empowerment of the (Community) Interpreter: The Right to Speak of One's Own. *Dolmetschinszenierungen: Kulturen, Identitäten, Akteure* / Ş. Bahadır [et al.]. Berlin : SAXA Verlag, 145–152.
- Bar-Tzur, David. (1999) (2022, May 4) Integrating the Interpreting Service Models. Retrieved from <http://www.theinterpretersfriend.com/misc/models.html>.
- Code of Ethics and Professional Responsibilities (2016) (2022, April 5). *NAJIT*. Retrieved from <https://najit.org/wp-content/uploads/2016/09/NAJITCodeofEthicsFINAL>.
- Code of Professional Responsibility for Court Interpreters (2022, April 5). *Jud. Ct. Gov.* Retrieved from https://jud.ct.gov/external/news/jobs/interpreter/Code_of_Professional_Responsibility.
- Cokely, Dennis. (1992) *Interpretation: Towards a Social Model*. Burtonsville, MD: Linstok Press.

- Eighinger, Lynne, & Karlin, Ben. (2001) (2022, April 5). Feminist-Relational Approach: A Social Construct for Event Management. Retrieved from <http://www.signs-of-development.org/website/Letters.html>.
- Gonzalez, Roseann D., Vasquez, Victoria F., & Mikkelsen, Holly. (1991) *Fundamentals of Court Interpretation: Theory, Policy and Practice*. Durham, NC: Carolina Academic Press.
- Hale, Sandra. (2005) The Interpreter's Identity Crisis. *Translation and the Construction of Identity: IATIS Yearbook*. Seoul: IATIS, 14–29.
- Indiana Rules of Court Interpreter Code of Conduct (2020) (2022, April 10). *The Official Website of the State of Indiana*. Retrieved from <https://www.in.gov/courts/rules/interpreter/interpreter>.
- Kadric, Mira. (2009) *Dolmetschen bei Gericht. Erwartungen — Anforderungen — Kompetenzen*. Wien: facult. (In German)
- Kelly, Ariene M. (2000) Cultural Parameters for Interpreters in the Courtroom. In Roberts, Roda P., Carr, Silvana E., Abraham, Diana, & Darfour, Aileen (eds.). *The Critical Link 2: Interpreters in the Community. Selected Papers from 2nd International Conference on Interpreting in Legal, Health and Social Services Settings*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 131–148.
- Kondo, Masaoumi. (1990) What Conference Interpreters Should not Be Expected to Do. *The Interpreters' Newsletter*, 3, 59–65.
- Lang, Ranier. (1978) Behavioral Aspects of Liaison Interpreters in Papua New Guinea: Some Preliminary Observations. In Gerver, David, & Sinaiko, Wallace H. (eds.) *Language Interaction and Communication*. N. Y. ; L. : Plenum, 231–244.
- Lebese, Samuel J. (2015) Formulation of Court Interpreting Models: A South African Perspective. *Stellenbosch Papers in Linguistics*, 44, 61–80.
- Nartowska, Karolina. (2014) *Court Interpreter: Lawyer, Psychiatrist, Director or Actor?* Vienna: Universität Wien, Zentrum für Translationswissenschaft.
- Padilla, Maria T. Bajo, & Padilla, Francisca. (1999) Proposal for a Cognitive Theory of Translation and Interpreting: A Methodology for Future Empirical Research. *The Interpreters' Newsletter*, 9, 61–78.
- Phelan, Mary. (2001) *The Interpreter's Resource*. Frankfurt Lodge: Multilingual Matters LTD.
- Professional Standards and Ethics for California Court Interpreters (2013) (2022, April 5). *Judicial Council of California*. Retrieved from <https://www.courts.ca.gov/documents/CIP-Ethics-Manual.pdf>.
- Roy, Cynthia B. (2000) *Interpreting as a Discourse Process*. New York, Oxford: Oxford University Press.
- Viljanmaa, Anu, & Mantynen, Anna. (2017) “This Is the Way I Have to Act”: In Search of Court Interpreter's Ethics and Role Understanding. *Legal Translation and Court Interpreting: Ethical Values, Quality, Competence Training* / Annikki Liimatainen, Arja Nurmi, Marja Kivilehto, Leena Salmi, Anu Viljanmaa, Melissa Wallace. (eds.), 147–177.
- Wadensjö, Cecilia (University of Stockholm) interviewed in Tarragona, June 27, 2011. Electronic text data. Retrieved from <http://www.youtube.com/watch?v=z2Qvq026nrU>.